

СЕМИОТИКА НАРЕЧЕНИЯ ИМЕНЕМ В ЯКУТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена анализу имен собственных в якутском языке и якутской культуре. Как результат словотворчества, т. е. лингвокреативной деятельности человека, имена собственные обладают определенным символическим значением, которое может быть раскрыто только в культурном контексте. Как социальные знаки имена собственные способствуют созданию социальной идентичности, где существенная роль отводится гендеру.

Ключевые слова: семиотика; языковое творчество; символическое значение имен собственных; социальная идентичность; гендер.

Различные аспекты проблемы языкового творчества рассматривались в философии языка, психолингвистике, генеративной грамматике, когнитивной лингвистике, «общим для которых является понимание того, что вербальное общение как одна из сторон творческого освоения мира человеком предполагает не только способность нашего сознания порождать новые значения, но и строить языковые единицы различной степени конвенциональности для описания мыслей, опыта и деятельности человека» [4, с. 17]. При этом творческий характер деятельности неразрывно связан с семиотической сущностью человеческого бытия, с его существованием в континууме знаковых систем.

К лингвокреативной деятельности человека можно, несомненно, отнести и наречение именем, которое, помимо прочего, участвует в построении языковой картины мира носителей определенной культуры.

Непреходящий интерес к антропонимике объясняется тем, что «острие стрелы “антропоцентрической” эволюции в известный период определяло именно имятворчество, открытие человека через его имя» [12, с. 10]. Имена собственные отражают национальную культуру в большей степени, чем другие лексические единицы: «средства личной номинации есть путь прослеживания таксономической деятельности человеческого разума, воспринимающего национальную культуру» [3, с. 27].

Якутская культура имеет свою специфику имянаречения, обусловленную как особенностями структуры языка, так и связанную с национальными особенностями мировидения и мироощущения. В якутской мифологии, отражающей сознание скотоводов и охотников, живших в условиях патриархально-родового и раннеклассового общества, бытуют представления и образы, слившиеся с сакральным – верованиями и культами архаичной, тотемно-шаманистической религии. Таковы, например, представления о сверхъестественных существах: о духах-хозяевах природы и вещей *иччи*¹, божествах *айыы*, злых существах *абааһы*². К ним якуты относились с почтением и преклонением, их старались умиловить жертвоприношением, славословием и т. п.

Люди верили в сверхъестественную силу не только действий, предметов, материалов, но и слов. Считалось, что духи природы или предметов могут услышать слова, а они в свою очередь могут оказать влияние на духов. Так, якуты наделяли слово магическими свойствами и, раз вылетев из уст человека, оно начинало жить самостоятельной жизнью, это касалось и имен собственных.

Для якутских мифологических имен собственных характерны развернутые, дескриптивные атрибуты, т. е. слова, соединенные подчинительной связью с существительным, образуют группу, приравненную слову, поэтому якутские личные имена мифологических персонажей могут быть многосоставными, например *Биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин* (букв. 'Приземистая старушка с пятью корами').

Имена собственные якутского фольклора проистекают из мифологического сознания народа, поэтому в них сосредоточена информация, которая указывает на социальную идентичность персонажа. Например, они соотносятся с определенными характеристиками, приписываемыми старшим или младшим, мужчинам или женщинам.

---

¹ По представлениям якутов любой объект, будь то животное, растение, орудие труда, слово и проч., влияющий на благосостояние человека, обладает магическими свойствами, т. е. внутреннюю таинственную силу, обозначаемую как *иччи* «хозяин», «дух-властитель».

² Согласно космогонической картине мира якутов, вселенная состоит из трех миров: Верхнего, который населяют добрые духи и божества – айыы, Нижнего, в котором обитают злые духи – абааһы, Среднего, где живут люди.

Так, по представлениям якутов, на самом верхнем ярусе неба живет со своим семейством верховное существо *Үрүҥ Айыы Тойон* (букв. 'Белый Созидающий Господин') – почтенный старец, облаченный в источающие жару и свет дорогие меха, образ которого символизирует солнце. Иногда его зовут *Үрүҥ Аар Тойон* (букв. 'Белый Престарелый Господин'), здесь лексема *аар* употребляется в значении «старейший, главнейший». Лексическая единица *үрүҥ* означает не просто «белый», это «светлый, чистый, священный», она служит эпитетом существительным, обозначающим наиболее почитаемые объекты (небо, солнце) и входит в состав личных имен небожителей, которым приносили в жертву, соответственно, «белую», т. е. молочную пищу. Жену верховного божества зовут *Күн Күбэй Хотун* (букв. 'Солнечная Добродетельная Госпожа'). В разговорной речи *Күн Күбэй* служит эпитетом добродетельной женщины-матери [11, с. 137].

Имя героини олонхо *Кыыс Дэбиллэйэ* (букв. 'Бурлящая, клокочущая Дева'), помимо того, что указывает на ее возраст и семейное положение, включает и информацию о ее характере: она своенравна, горда и независима, дерзка в суждениях и поступках, не знает жалости к врагам, но и к своим сородичам относится прохладно, помнит нанесенную ей обиду. Ее имени всегда предшествует эпитет *Родившаяся на чистом, без пылинки, снежно-белом небе*, эксплицирующий высокое происхождение героини.

Имя мифологического персонажа *Дьулуруйар Ньургун Боотур* (букв. 'Стремительный Славный Богатырь') содержит следующую информацию: герой – небесный богатырь, поскольку имя с компонентом *ньургун* (букв. 'славный, лучший, отличный') могут носить только отпрыски божеств; он благороден и бесстрашен, действует стремительно как стрела.

Можно заметить, что в семантике приведенных личных имен мифологических героев отражены статус, социальная роль в семье и обществе, возраст, личностные качества, особенности внешности и другие качества, которые включены в концепты мужественности и женственности, зафиксированные в сознании носителей якутской культуры. Тем самым имя героя или героини выступает как своего рода социальный знак [14, с. 187], отражающий не столько отличительные черты внешности или характера, сколько указывающий на социальную идентичность мифологических героев.

Т. В. Топорова, рассматривая древнегерманские имена собственные, опирается и на выдвинутую М. В. Малиновским теорию «нужд», согласно которой все элементы, составляющие культуру архаичного племени (от имени собственного до мифа) возникают как ответ на определенный вопрос, продиктованный настоятельной потребностью. Исходя из этого, наименование представляет собой не игру или развлечение, а абсолютную необходимость, связанную с глубинной сущностью человека. Тогда имя собственное представляет собой не этикетку, ярлык, а *символ*, сложным образом соотносимый с природой индивида. Мифологическое осознание имени собственного как внутренней субстанции проявляется в том, что «назрение именем новорожденного принимает форму отгадывания его сущности» [13, с. 6].

Благодаря высокой информативности имен собственных их рассмотрение очень показательно для анализа гендерной стереотипии в том или ином культурном контексте. Так, проведенный А. В. Кириловой анализ имен собственных на русском языке с гендерной точки зрения и сопоставление его результатов с выводами, полученными при исследовании древнегерманских и казахских антропонимов, выявил, что границы гендерных стереотипов в семантике русских имен несколько размыты, причем «размытость» идет со стороны женственности и затрагивает мужские имена, придавая им некоторую эмоциональность. Тогда как древнегерманские имена, как мужские, так и женские, отражают героическую, воинственную модель мира и близки к эталону мужественности. Казахские же имена отличаются более четкой гендерной дифференциацией, отражая стандартные представления о мужественности и женственности: мужские имена ассоциируются с властью, силой, борьбой, активностью и т. п., а женские – с красотой, добротой, лаской и т. п. [5, с. 249–271].

Анализ семантики якутских имен-дезиративов¹ продемонстрировал, что в ней также наблюдается определенная гендерная дифференциация.

Мужские имена-пожелания могут быть условно разделены на несколько групп:

1) пожелания стать родоначальником, отцом рода. Примечательно, что эти имена-дезиративы образованы от различных по семантике слов:

---

¹ Дезиративами обозначаются имена-пожелания [6].

Алаас букв. 'круглая поляна в лесу, где селились якуты';
Сэргэ – коновязь (*священный символ неба, который устанавливал-
ся обычно во дворе дома*);
Эллэй (*имя одного из прародителей якутов*);

2) пожелания богатства:

Байдам от гл. *баайдаа* – наделять богатством;
Быйа, Быйаман – изобилие, богатство;
Кудук – неполно, недостаточно;

3) пожелания хорошей будущности:

Кэнчээри – поросль;
Тускул – благо, благополучие, добро;

4) пожелания достижения цели, преодоления трудностей:

Тургун букв. 'достать ногами до дна';
Тулуйхан от гл. *тулуй* – выносить, терпеть;
Дьулусхан – стремительный;
Дьулуур – стремление, сильное желание;
Дабаан – подъем, путь в гору;

5) пожелания силы, здоровья:

Эрчим – сила, энергия;
Добун – сильный;
Боотур – доблестный, мужественный воин, богатырь;

б) пожелания ума, силы духа:

Сайдам – способный, легко воспринимающий, быстросхватыва-
ющий;
Сүргэн от суц. *сүргэ* – дух, душевное состояние.

Женские имена-дезиративы менее разнообразны, хотя среди них также встречаются пожелания богатства, хорошего будущего, здоровья и др. Образуются они преимущественно от мужских имен. Однако самую многочисленную группу образуют имена-пожелания внешней привлекательности. Это характерно не только для якутского языка, но и для других тюркских языков, в частности Г. И. Кульдеева отмечает, что казахские женские имена-дезиративы относятся к семантическому полю «красота» [6, с. 12]. Якутские имена-пожелания красоты образованы от различных по значению лексем, но непременно обозначающих объекты, являющиеся в якутской культуре символами красоты, нежности, привлекательности и т. п.:

- 1) дезиративы, образованные от наименований цветов и растений:

Ньургунун, Ньургуйаана – подснежник;

Сардаана – лилия;

Хомус 1) тростник; 2) музыкальный инструмент якутов;

- 2) дезиративы, образованные от наименований птиц:

Туйаара, Туйаарыма от гл. *туйаар* – щебетать (о жаворонке);

Күөрэгэй – жаворонок;

Күөрэгэйчээнэ – жавороночек;

Туллуктаана, Туллукчаана от существительного *тулук* – сне-
гирь;

Кыталыкчаана – журавлик;

- 3) дезиративы, образованные от названий светил:

Күндүнэ, Күннэй, Күндүйаана от основы *кун* – солнце;

Айталына, Айта от основы *ый (ай)* – луна;

Сулустаана от основы *сулус* – звезда;

- 4) дезиративы, образованные от природных явлений:

Хаарчаана от основы *хаар* – снег;

- 5) дезиративы, образованные от наименований драгоценных
камней:

Чөмчүүнэ – жемчуг.

- 6) женские дезиративы – пожелания доброго, мягкого, ласково-
го характера:

Нарыйаана от прил. *нарын* – нежный, ласковый;

Намына от прил. *намын* – спокойный, уравновешенный, тихий;

Тупсууна от суц. *тупсуу* – примирение, перемирие;

Долгууна от суц. *долгун* – волна.

Среди якутских имен, распространенных в настоящее время,
много парных, однако большинство женских имен являются дериватами мужских:

Байан – Байаана от суц. *баай* – богатство, букв. 'приносящий(-щая)
богатство, изобилие';

Далан – Далаана от суц. *далан* – 1. горизонт; 2. спокойный(-ая),
уравновешенный(-ая);

Кустук – Кустуктаана от суц. *кустук* – радуга; букв. 'яркий(-ая)
как радуга';

Кэскил – **Кэскилээнэ** от *суц. кэскил* – добрая судьба в будущем;
Мичил – **Мичилээнэ** от *суц. мичил* – радостная улыбка; приносящий(-ая) радость;

Сарыал – **Сарыада** от *суц. сарыал* – сияние, ореол; сияющий(-ая);

Харысхан – **Харыстаана** от *прил. харыс* – бережливый; защищенный(-ая).

Итак, в якутской культуре многие имена собственные обладают символической функцией благопожелания. При этом наблюдается семантическая дифференциация имен в соответствии с гендерными представлениями, принятыми в якутской культуре. Некоторое ослабление гендерной стереотипии отмечается в семантике парных имен, несмотря на то, что большинство женских имен образованы от мужских.

Как показали исследования имен собственных тюркского происхождения – казахских [6], киргизских [7], большинство из них обладают прозрачной внутренней формой. Это касается и якутского языка, поэтому наречение якутским именем и по сей день остается семантически мотивированным.

Таким образом, процесс наречения человека тем или иным именем является креативным и сопоставляет процесс номинации и созидания. И тем самым, как отмечает Т. В. Топорова, имя активно воздействует на человека, предопределяя его судьбу [13, с. 8].

Лексический фон имени, по мнению Е. С. Петровой, относящей имена собственные к значащим словам, содержит три семантические доли:

1) лингвистическую, т. е. языковые характеристики имени (склонение, образование множественного числа и пр.). Для сравнения, система русских личных имен богата благодаря словообразовательному потенциалу, обусловленному структурой самого языка. Так, за счет суффиксации может быть образован ряд экспрессивных форм одного и того же имени, определяющий отношение к его носителю, например: *Николай, Коля, Коленька, Колян, Никола, Колька, Кока* и т. п. [1].

2) социолингвистическую, которая включает социальную характеристику имени: эстетическую оценку в данном социуме, от которой зависит распространенность данного имени собственного. Оно может стать репрезентативным именем определенного слоя

общества, получив в нем большую распространенность. Например, имена *Ньургун, Дыгын, Кудай* могли носить мужчины только знатного происхождения, из богатого рода; женские имена *Туйаарыма, Хаачылаана* также свидетельствовали о знатности референта.

3) экстралингвистическую, т. е. всю дополнительную информацию, содержащуюся в имени, она включает фоновую культурологическую, в том числе символическую информацию [8].

В этой связи уместно отметить, что в последнее время стали часто употребляться в качестве личных имен имена популярных героев легенд из устного народного творчества, названия местностей, рек, а также поэтические новообразования. Например, в качестве мужских имен довольно широкое распространение получили имена легендарных прародителей якутов – *Эллэй, Омобой*, имя легендарного бунтаря XIX в. *Манчаары*, возникшее из прозвища *Манчаары Баһылай* (букв. 'Осока¹ Василий'), а также имена в честь любимых персонажей олонхо: *Ньургун – лучший, славный* (имя богатыря из олонхо); *Уолан – юноша* (компонент сложного дву-, трехчленного имени богатыря) и др.

В качестве женских имен часто употребляются имена героинь олонхо, например, *Туйаарыма*; имена персонажей популярных произведений современных якутских писателей – *Сайсары* (героиня одноименной драмы Суорун Омоллона).

Следует упомянуть также имена, связанные с названиями рек в Якутии:

- женские – **Лена** (река Лена / Өлүөнэ); **Яна** (река Яна / Дьана);
- мужские – **Алдан** (река Алдан); **Виллой** (река Виллой / Бүлүү – название местности, по которой течет эта река).

Исторические условия жизни якутов были таковы, что они официально приняли православие, сосуществовавшее с шаманизмом. В силу этого долгое время сохранялась традиция давать ребенку два имени: «свое», неофициальное (якутское), и официальное (русское, православное), приобретаемое после крещения. Со временем русские имена стали вытеснять исконные якутские, так как в определенный период за их замену церковными крестильными именами на короткое время освобождали от ясака, поэтому в настоящий момент многие якуты носят русские имена. Однако заимствованные из русского языка имена подверглись в якутском языке аккомодации, как

¹ Осока – сорная трава.

и все заимствованные слова, в результате чего их якутское звучание сильно отличается от русского. Так, русское имя *Григорий* превратилось в якутском в *Киргиэлэй*, *Федор* – в *Сүөдэр*, *Петр* – в *Бүөтүр*, *Роман* – в *Арамаан*, *Ксенофонт* – в *Силипиэн* и др. В официальных ситуациях сохраняется русское написание и произношение имен, но в бытовой сфере доминирует их якутское произношение, а в художественной литературе допускается и якутское написание.

Использование иноязычных слов вместо якутских антропонимов четко прослеживается в семейно-бытовых и родовых обычаях. В этой связи интересным представляется обычай, который касался положения невестки. Невестка в якутской семье жила под давлением многих табу: ей запрещалось показывать свекру обнаженные части тела (голые ноги, непокрытые волосы), в некоторых местах – вообще показываться на глаза родственникам мужа в течение семи лет [9; 10]. Табу были обусловлены не только боязнью инцеста, но и тем, что женщина-невестка была пришлая, чужая, т. е. принадлежала другому роду. Для нее, как представителя чужого рода, табу являлось употребление якутских имен родителей мужа, но разрешалось называть их русскими христианскими именами, т. е. табу подвергалось «свое» имя как обладающее духом и нередко заменялось «чужим» – как не обладающим духом иччи.

В якутском обществе женщина после замужества сохраняла свое собственное якутское имя, но, если якутка вступала в связь с представителем другой нации, то на ее якутское имя налагалось табу. Нарушение принятых брачных норм могло способствовать отторжению на ритуальном уровне от своего социума. Якута, преступившего обычай предков, звали *Нучча* (русский).

Если в семье часто умирали дети, то табу налагалось на якутское имя ребенка: новорожденному, как правило, мальчику, давали, например, имя-этноним. По представлениям якутов, злой дух не тронет ребенка, если его назвать *Нуучча* (русский), *Нуучча уола* (сын русского), *Кытай* (китаец), *Чукчакаан* (чукча), *Кэриэй* (кореец), *Омук* (иноплеменной, чужой) [2, с. 7].

Иноязычным словам приписывается символическая функция оберега от злых сил, т. е. охранительная функция. В этом смысле интерес представляет поверие о том, что духом иччи обладают все предметы, кроме заимствованных. Можно предположить, что чужие слова также не обладали, по представлениям якутов, духом иччи.

Этим объясняется бережное отношение к якутским именам и вообще к «своим» словам и к иччи, которые требуют к себе осторожного, почтительного отношения.

Имена собственные являются социальными знаками, так как несут на себе отпечаток жизни социума, его истории и культуры, в соответствии с этим имеют сложную смысловую структуру, в которую входят те ассоциации и коннотации, которые возникают при их употреблении. Имена собственные символизируют, имплицитируют как социальные переменные, так и культурные стереотипы и мифологические образы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов // Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 263–499.
2. *Габышева Л. Л.* Функции иноязычных слов в фольклорных текстах // Язык–миф–культура народов Сибири: сб. науч. тр. – Вып. 4. – Якутск: ЯГУ, 1996. – С. 3–9.
3. *Зорина О. В.* Роль английских имен собственных в создании комического эффекта в художественном произведении: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 127 с.
4. *Ирисханова О. К.* О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. – М.: ВТИИ, 2004. – 352 с.
5. *Кирилина А. В.* Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 369 с.
6. *Кульдеева Г. И.* Тематический анализ личных имен казахов г. Кызыл-Орда и его окрестностей. – Казань, 1993. – 20 с. Деп. в ИНИОН РАН 14.03.94, № 49014.
7. *Мамажакыпова А. Ж.* О некоторых особенностях современных кыргызских антропонимов // Этноспецифические и социокультурные аспекты языка и дискурса. – М.: Рема, 2008. – С. 110–117. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 540. Сер. Лингвистика).
8. *Петрова Е. С.* Пределы структурно-семантического развертывания антропонимов в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1985. – 20 с.
9. *Попов Б. Н.* Изменение семьи народов Якутии. – Якутск: ЯГУ, 1994. – 140 с.
10. *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 1993. – 736 с.

11. *Томская М. В.* Гендерная маркированность имен собственных персонажей якутского фольклора // Гендерное образование в системе высшей и средней школы: состояние и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2003. – С. 136–138.
12. *Топоров В. Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент МІR) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1993. – С. 109–118.
13. *Топорова Т. В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 253 с.
14. *Успенский Б. А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Избранные труды. – Т. II. Язык и культура. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 187–202.